

МОЛОДОЙ ГОРЬКИЙ

На воспоминаниях Евгении Семеновны Ивановой — бывшей заведующей второй «Самарской газетой»... В. С. Иванова не раз подвергалась преследованиям полиции. За распространение нелегальной литературы она в 1910 году была осуждена на один год заключения в крепости.

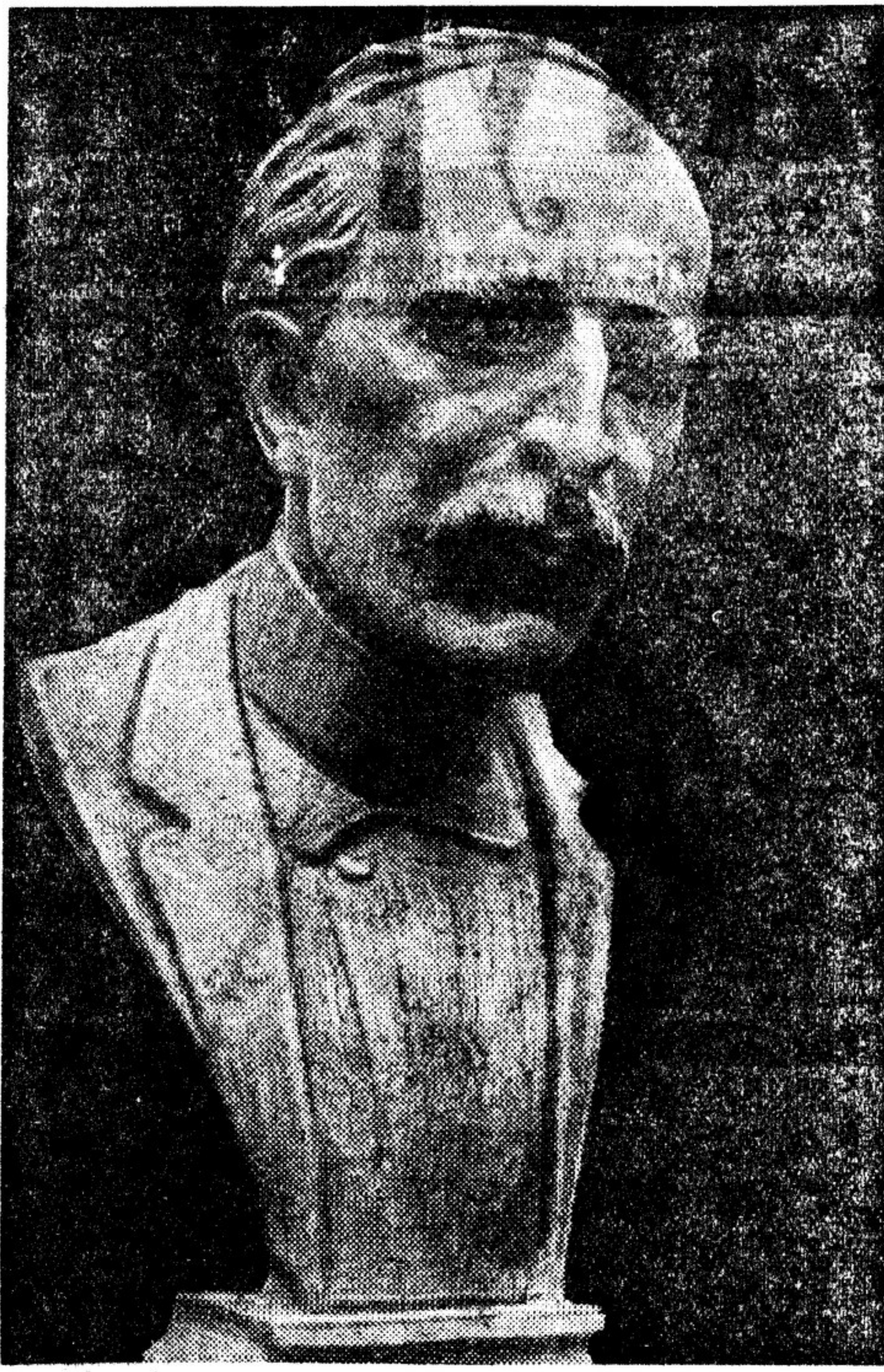
Как сейчас вижу этот воскресный номер нашей «Самарской газеты». На второй полосе, «под чертой», где обычно помещались журнальные статьи или вырезки из журналов, читателя ждала большая приятная новость — шел свежий оригинальный материал нового для самарцев автора, рассказка «Два боюсака», за подписью Максим Горький.

Вскоре на Нижнем пришло известие от В. Г. Короленько, что Алексей Максимович соглашается совсем перебраться к нам на работу и на житье. Мне повезло первой встретиться Алексею Максимовичу в стенах редакции «Самарской газеты». Ранним весенним утром, придя в редакцию, я заметила некоторые нарушения моих ежедневных расписаний.

Вот так же я помню, как страстно и настойчиво добивался он организации коллективной помощи забойщикам корректуры Норкиной и добился отправки ее за счет издательства в Крым. Алексей Максимович на каждую минуту отгадывал нас, радужными, щедро надевая деньгами всех, кто в них нуждался. Если у него не было денег в кармане, он заходил в контору и говорил: «Евгения Семеновна, тут зайдет Петров, выдайте ему, пожалуйста, в моей счет столько-то...»

Надо сказать, что получал он по тем временам не так уж много. За выписку ему было положено жалованье — 50 рублей в месяц, фельетоны и рассказы он оплачивались по 2—3 копейки за строчку. К выдаче жалованья или гонорара в кассе оставалось для него больше приятельских расписок, чем наличных. До появления Горького у нас в редакции никогда не было никаких вечеров, а по его инициативе зимой 1905 года была устроена явка для семей наборщиков и для мальчиков-рабочников, затем встреча нового года.

Вот так же я помню, как страстно и настойчиво добивался он организации коллективной помощи забойщикам корректуры Норкиной и добился отправки ее за счет издательства в Крым. Алексей Максимович на каждую минуту отгадывал нас, радужными, щедро надевая деньгами всех, кто в них нуждался. Если у него не было денег в кармане, он заходил в контору и говорил: «Евгения Семеновна, тут зайдет Петров, выдайте ему, пожалуйста, в моей счет столько-то...»

Бюст Романа Романова — скульптора А. Анропова. Бюст будет выдана в массовом тираже.

М. Горький и татарская литература

Шестой номер издающегося в Казани на татарском языке журнала «Советская литература» посвящен памяти Максима Горького. В номере помещены свои статьи: М. Амир («Надо работать так, как работал Горький»), Фатих Бураши («Великий советский писатель»), Г. Кутуй («Возвращаясь к личности Горького»), Г. Селдан («Великий учитель»), Г. Толмачев («Горький нас вырастил»), И. Тултаев («Максим Горький»). Писатели Татарии говорят о величии и могуществе таланта М. Горького, в лице которого татарская литература потеряла самого дорогого художника-друга.

Вот так же я помню, как страстно и настойчиво добивался он организации коллективной помощи забойщикам корректуры Норкиной и добился отправки ее за счет издательства в Крым. Алексей Максимович на каждую минуту отгадывал нас, радужными, щедро надевая деньгами всех, кто в них нуждался.

ОДНОТОМНИК ГОРЬКОГО ДЛЯ РЕБЯТ

В ближайшем дне Детская библиотека ВКПСС выпускает однотомник произведений М. Горького. Издание его было начато еще при жизни Алексея Максимовича, который одобрил план этой книги. Лучшие повести и рассказы великого пролетарского писателя печатаются в хронологическом порядке, начиная с рассказа «Дед Архип и Лелька» (1893 г.). Из драматургических произведений в книгу вошла пьеса «Иди дядя».

Накануне пушкинских дней

В ЛЕНИНГРАДСКОМ КОМИТЕТЕ

Состоялось первое заседание Ленинградского пушкинского комитета. После минутной речи председателя Ленинградского Совета и председателя Пушкинского комитета А. И. Ф. Колосова были обсуждены мероприятия по проведению пушкинских дней. В приняты выступления ак. Н. С. Державина, народного артиста республики Ю. Юрьева, ученого секретаря при Академии наук Н. Свирица, председателя Ленинского писателя Н. Тихонова, заместителя председателя Союза художников Н. Радлов, проф. Д. Якубовича и др.

ПУШКИНСКАЯ ХРОНИКА

★ Симфония «Пушкин» пишет Ленинградский композитор Гладиловский. Композитор Михайлов работает над симфонической поэмой «Медный всадник», композитор Соколин — над балетом «Цыганки». ★ Конкурс на лучшее произведение о Пушкине объявил среди художников и скульпторов Ленинградский пушкинский комитет. ★ Сельские и районные библиотеки Ленинградского комитета успешно готовятся к столетию со дня смерти Пушкина.

ЖЕНЩИНА, МАТЕРИНСВО, ДЕТИ

«Меня особенно взволновало с ума отпущение в женщине» — вспоминал Горький. «Я смотрел на женщину как на самое лучшее и значительное в жизни. В этом утверждала меня бабушка, ее рассказы о благородии и Василисе Премудрой, несчастная прабабушка Наталия и те сотни и тысячи замеченных мною взглядов, улыбок, слез...»

АВТОГРАФЫ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

В научной библиотеке Московского университета им. Горького хранятся подписанные автографы Алексея Сергеевича Пушкина на двух тысячах великого поэта, посвященных им биографу И. И. Дмитриеву. На экземпляре «Бориса Годунова» изданного в 1931 году, на обороте острогойцевой лицевой обложки рукой А. С. Пушкина сделана следующая надпись: «В память о великом русском поэте».

ВЕРИТЬ СВОЕМУ УМЕНИЮ

Вспомни свое умение, которое ты приобрел в школе, в университете, в работе. Не забудь, что умение — это не просто знание, это умение применить это знание в жизни. Не забудь, что умение — это не просто знание, это умение применить это знание в жизни.

Окончание см. на стр. 2.

Мечта Горького

В. ЕРМИЛОВ
«Я вспоминаю...» — говорил товарищ Сталин. — случив в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушли на реку ловить рыбу, успешный рыболов-бурлакацкий пролетарий. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили: «Он ушел туда, куда не вернешься».

МНИМЫЙ ТАЛАНТ

А. ТАРАСЕНКОВ

В свое время Елена Усевич в своей статье «От чужих бергов» (Литературный критик № 1, 1934 г.), привела, что Павел Васильев велел свою поэтическую родословную прямо от семилетнего мальчика, который о двух возможных пути П. Васильева думал. Один путь — «продолжение и развитие определенных в самом начале его творческого пути стихийной реактивности...».

Другой путь — это путь очень молодой для Васильева работы над собой, путь к революции, протеканию, наполнению для него тесными предметами, но, как показала «солонья буха», ведущий к огромному творческому росту, полному расцвету таланта.

Приписывая стихам П. Васильева «мелочность, песенность и простоту форм», Усевич даже полагала, что поэт в недалеком будущем может стать мастером «настоющей массовой песни, доступной миллионам».

За последние время Васильев печатался мало. Новые произведения П. Васильева, появившиеся в «Новом мире», говорили о том, что поэт настаивает на своей социальной роли, сновной и отнюдь не склонен отступить деловый прах от ног спонса. Напротив, в 1934 г. П. Васильев так противопоставляет себя и свои биографию «поту-пастуху»:

Я был хитрей, веселый, крепкий, собитый, Ирынский сплавщик, австрийский гармонист, Я азе с собою голос знаменитый Моих отцов, их гитарные и свист. («Новый мир» № 12, 1934).

Конечно, в этих стихах гораздо ошутнее любовь к своему сельскому стихийному размаху и гитарному, нежели переход на позиции пролетариата, хотя в некоторой поэтической мелочности этих стихах отразилась и неловкость.

В «Новом мире» за 1936 г. П. Васильев опубликовал свои новые произведения. Здесь есть и отрывки (№ 6), и небольшая поэма «Принц Фома» (№ 7), и целая стихотворная эпопея «Кулаки» в две с лишним тысячи строк (№ 8). Отрывки, надо прямо сказать, плохи, даже не плохо грамматически.

Собирались в путь-дорогу, покидали отчий кров, Матери, тая тревогу, Провожали сыновья (?) Поэма «Принц Фома» написана чужим, глупым, хотя «спихивая талантливость» П. Васильева здесь вполне обнуляется совершенно утилитарным подражанием Пушкину. Свои отрывки, уже изрядно гримасничавшие описанием истинно крестьянских мирных пиров, Павел Васильев решил почему-то соединить с поэтическими интонациями, взятыми напрокат у великого поэта. С странным чувством какой-то неловкости мы читаем, например, такие строки:

Их выволоке удавленны, Их волоке удавленны, Их краги, стези и погон, (почему не погоня? — А. Т.) И, оселев, через ухабы Вегут доунышенные бабы Шпабной осматривать вагон.

Совершенно возмутительное впечатление производит шародрование П. Васильева пушкинской, легкой и чистой, иронической повествовательной интонацией, на которое мы епизодически наткнемся, читая описание «свадьбы и пельмени» белого баряты — проходима время гражданской войны:

Не от штыка и не от сабли Рук тяжелых кисти ослабли, Померка слава в этот раз. Фома разут, разлет, развенчал, — Вот почему кулаки женщины Кошарный погон губит нас.

Нет, Пушкин нам слишком дорог, чтобы можно было равнодушно пройти мимо такого дивного и развального разбаряния его бесмертных поэтических приемов. Иначе, как резко отряхнув от себя эту поэзию, П. Васильева нельзя, — спихивать мало в ней уважения к нашему классическому литературному наследию и слишком много дешевого балласта, никак не вяжущего с суровым обаянием гражданской войны.

В конце концов проходимцев-авантюристов «Принц Фома», борющихся вместе с империалистами-интервентами против нашего народа, заслуживает более точной и более гневной характеристики, чем та, которую ему дает П. Васильев.

Но обратимся к фундаментальной работе поэта, к поэме «Кулаки». Ее материал — с детства знакомый П. Васильеву Сибирь. Ее герои — сибиряки, участвовавшие в революционной борьбе в 1919 году. Может быть, после столько лет со-

ветившей «перестройки», о которой являлся сам поэт, он найдет наивные настоящие слова? Увы! Начнем с установления и доказательства того факта, что поэма «Кулаки» написана плохо, читая ее скучно и трудно, сюжет ее невероятно нелепо и искусственен, а язык таков, что над некоторыми строками приходится просиживать в раздумье не малое количество времени, тратя которого так и не приводит читателя ни к каким положительным смысловым результатам.

Снова и снова мы наткнемся на выражения, почтенные на традиционной «солонья буха» стиля, много раз уже осмеянного нашими пародистами, стили вычурного и ложного, непонятного и нелюбопытного нашего народа, стили, который все еще дорог и мил сердцу Васильева. «Одежда пудровая», «могущество плеч», «хмельная сила», «садоба крутиль на шею жилам», «легут бабы, пята вадья», «равные дерюжье», — весь этот атакующий, якобы народный речевой инвентарь, якобы народный фольклор и инвентарь, никакой эмоциональности здесь нет в помине. Это литературщина самого дурного сорта, это своеобразный эстетизм «наоборот», который отнюдь не становится от этого лучше. Ничего жизненного, правдивого в этих «могуществах плеч» нет. Сравните, например, «Кулаки» Павла Васильева со «Страной Муравьев» А. Гвардовского, замечательной подлинно народной поэмой о современной деревне. Почему Гвардовский свободно обходится без всяких натуралистических «прелестей» в духе Павла Васильева, почему ему удается непринужденно и естественно передать живую разговорную крестьянскую речь, не прибегая к «студии» — «студии» на «спиритизм», или к «эвфемизмам», которыми полна у П. Васильева якобы крестьянская, якобы народная, а на самом деле фальшивая и претенциозная речь, которую он наделяет всех своих героев? Почему в поэме Гвардовского мы без труда различаем легкую, подлинную, певучую, подлинно песенную, фольклорную ритмическую основу? А Павел Васильев заставлял своих героев выговаривать такие, с позволения сказать, стихи, в которых ничего нет от поэзии, а одно лишь тачелое и вздорное натуралистическое космоязычие:

Десятка, в шалаш, неизвестно кто, Вроде как всеромом, а боде, Валя в оружье и дреколье, Нас же треснула, значит, и те Вон как парывали... — Вы, мужики!

Десятка, катите-ка порысистой... Нам-де природно лишь коммунизм, Вы еще вспомните кто мы таки.

Я не вдаюсь сейчас в анализ содержания поэмы П. Васильева и А. Гвардовского — они могут итти в какое сравнение по степени значительности и глубины. Но даже, казалось бы, «второстепенные» (как де сих пор полагают некоторые явные товарищи) элементы поэтической формы, поэтического языка сразу показывают подлинное лицо этих поэтов. Конечно, Павлу Васильеву, как и любому другому, не заказан путь к подлинной поэзии, но думается, что тот путь, по которому он двигается в настоящее время, ведет прямо в противоположную сторону — к тяжелой ритмической дактили, к грубо натуралистическому, искусственному и претенциозному, антиэстетическому с нашей точки зрения языку.

Однако обратимся к содержанию поэмы «Кулаки». Оно сводится к неслучайному эпизоду из эпохи коллективизации Сибиряка, когда семья кулака Евстигнев Яковлев из корыстных побуждений решает вступить в колхоз.

Затем довольно подробно описывается деревенское собрание с дискуссией на тему о том, быть или не быть колхозу и последовавшее за ним устройство — по наущению того же Яковлева — «колхозных активистов». Наряду с тем, о чем сказано в метафорическом языке той поры, ситуация, дающая интересное столкновение человеческих характеров. Это мог бы сделать поэт идейный, поэт, который смог бы претворить материал вещи в художественно переработанную мысль.

Есть ли идеи у Павла Васильева? Если и есть, то не богатые. Поэма «Кулаки» завершается эпилогом, в котором описывается мотушек колхозное стадо, — был в нем, затопила льва, ударяет себя хвостом, и коровы бредут «окружены сыняем и ревом». Очевидно, эта «могучая коловца должна послужить у П. Васильева:

Развинут и обогащенную, кроме того, опытом русской классической поэзии (в особенности Некрасова) и традиционной английской баллады.

И, скажу как умею, — Мразь, кулачество, Прошлогодня сила, Которую наша Советская власть Все же до времени Помадела, Против колхоза Вооружена.

П. Васильев в своих новых поэмах обнаруживает некоторые способности, язык и него известные технические навыки, — но все это перемешано с таким количеством поэтического мусора, с такой небрежностью поэтической работы, что до настоящей поэзии эти умения еще далеко. Может быть, П. Васильев действительно искрен и желает перестроиться идеологически? Особо убедительны доказательства пока найти нет. Но если даже это так, то работа над собой ему предстоит огромная, ибо она даже еще не начата.

Итак, мы видим, что П. Васильев в своем творчестве не достиг того уровня, к которому он стремился, и что его поэзия остается в значительной степени на уровне традиционной народной поэзии, но с искусственными натуралистическими элементами.

Только вдохновение, приходящее в обстановке юга, курортного томления, морского простора, могло вынуть поэту такой поэтический пера. И только такое преклонение перед столетними именами позволило редакции «Всеволоды здравницы» поместить эти стихи и забыть о своем назначении — заботиться о благополучии всех отдыхающих и не навязывать им ничего, что может их лишить душевного покоя и равновесия.

С этой самой дорожкой? КАНИФЕРШТАН

Рисунок художника Г. Филипповского к «Свадьбе Крепиченского». Из иллюстраций к трилогии А. В. Сухоногова, выходящей в Гослитиздате

Книги

Книга о возрожденном народе

Дома без света, без полов и без кроватей, страна без школ и больниц, без прав, без культуры — такой была Кабарда. Шарият и феодалы властвовали над этим народом, коран и обычай определяли все духовную жизнь в течение веков.

Сегодня Кабарда — одна из передовых орденных областей великого Советского Союза. С Кабарды ассоциируются «силь социализма», кабардинская деревня построила светлые дома и агропромышленные фермы и школьные здания, клубы и электростанции, радиоузлы и кино, школы и ветеринарные пункты, больницы, бани, детские сады, магазины, автобусные станции и т. д. и т. д. Исключительная страна «черного народа» стала страной «белого народа», где самые светлые надежды становятся явью.

Вот ли в литературе нашей произведения, прочитав которые можно составить себе представление о том, какими путями шла в борьбе кабардинская область, вышедшей из феодальной Кабарды к социализму? В художественной литературе нет. Это пробел, который填补ет книга Н. Изгоева «Рассказы о Кабарде», которая говорит нам об этом «превращении», и ее с большим вниманием прочтет каждый, кто интересуется судьбой малых народов Советского Союза вообще, судьбой кабардино-балкарского народа в частности.

Маленьким очерком об историческом прошлом кабардино-балкарского народа раскрывается «Рассказы о Кабарде». Этот очерк можно рассмотреть как предисловие к книге. В нескольких страницах Н. Изгоев сообщает далекий исторический фон и дает картину проникновения паризма на Северный Кавказ. Глава анализирует образование первой национальной области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР. Этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

Имя Бетала Калмыкова известно далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Он из той стальной когорты большевиков, воля которых в тесной дружбе с трудоловами, предельной честностью и преданностью народному делу вырвет чудеса в наших горах и селах. Естественно, первое слово в «Рассказах о Кабарде» должно быть сказано о Бетале Калмыкове: юности и жизни Бетала Калмыкова посвящена отдельная глава книги Н. Изгоева. Руководитель образования первой кабардинской области, вышедшей из Горской федерации и включившейся в состав РСФСР, этот акт, именитый огромное значение для развития Кабардино-Балкарии, был совершен по указаниям и под непосредственным руководством тов. Сталина.

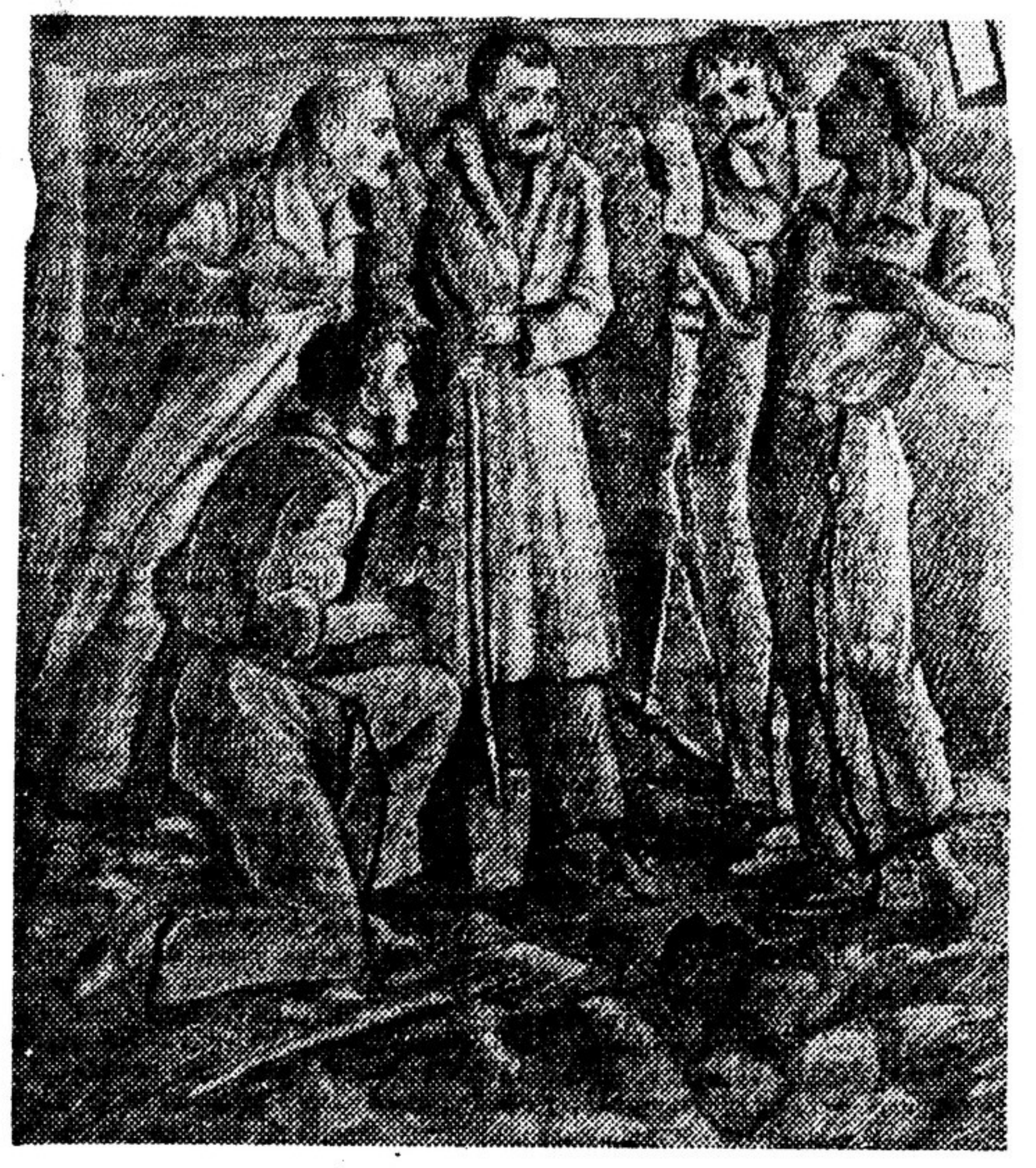

Рисунок художника Н. Дмитриевского к стихотворению Пушкина «В Сибирь». На иллюстрации показана А. С. Пушкина, выходящая на свободу из заключения в Сибирь.

Книги

Стихи или поэзия

Чувство разочарования, какое испытываешь после того как прочтешь два стихотворения сборника А. Решетова, появляется не только потому, что стихи эти плохи как стихи, а потому, что в них нет поэтического мироощущения. Это — стихи по всякому случаю и во всякий случай, не озабочиваясь в себе и зерна мысли Поэзия ли это? Предоставляем судить читателям.

Я не тот, который для утехы, На работе мира напевал, Груши окочивая прихлеб (?) И прославив (?) качаны трав. Я и сам здесь рос И мог конечно Здесь дожить до бороды седой, Потому что мною будет вечно Голос этой жизни — голос мой! Кто герой поэзии Решетова? — «Шартей», что движет весь день рывками? (Мистер Райт), или Мой ревенчик в мире обиденном Сердце у него не на крыку: Услыхав, что ты в подпольном конном

Имени Буденного попку, Всею затянет о Буденном, Чтобы открыт перед братской тоской! («Шлемо делушко со «Светляки».) Чувства, предметы, лица в стихах Решетова названы, но не показаны, поэтически не выражены. Читая стихи, ждешь, что востанет встретится в двух сборниках крупица поэтического ощущения. Но автор преподносит вам безнадежно безграмотные стихи:

Напивает сочная осока Вымена коровы милок! («Век».) Что за «вымена»? Легче всего по незнанию человеку попадется на аналогичную «сима — вымена», «сыма — вымена». Не проще ли было бы загнать в словарь, чтобы убедиться, что такого слова в русском языке нет. Если это неологизм, то он заслуживает полного недоумения.

«Заря пенная как пиво», «Сосны, что в закат одеты», «Ветер волком воет» — как беде язык Решетова. Кому нужны рассказы о хулиганских событиях на Липовке? И так ли

Александр Решетов. Стихи. Гослитиздат, Ленинград, 1936 г. Отв. редактор В. Дружинин. Александр Решетов. Крутой волной. Стихи. «Советский писатель», 1936 г. Отв. редактор В. Луговской.

Похвала Чачикову

Александр Чачиков любит подчеркивать, что он чужок Востоку. Мне говорит: Завбул Восток, Пропой о чем-нибудь другом! Но я, как первый денесток, К Востoku моему влеком.

Как бы то ни было, Чачиков крепко держится за Восток, и даже сердце свое он сравнивает не с каким-нибудь грозгающим фруктом, прозрастращившим в ЦПО, а с астраханским арбузом и чардынской дыней.

Однако, нужно признать, что Чачиков не ограничивается этим арбузом. Во крайних стихах: по мере сил он раскрывает перед читателем все богатство и многогранность своего «арбуза». Из стихотворения «Песня» мы узнаем, например, что Чачиков знает украинский, белорусский, чувашский, грузинский, татарский и армянский языки. По крайней мере по одной фразе из упомянутых шести языков он вставляет в это стихотворение.

Единственное, что смущает читателя, это несколько своеобразное обращение поэта-лиричника с русским языком, на котором он, как-никак, пишет стихи, издает книги. «Беспорочный курок», «столодеющая пот», «железный был срочия с эпозом своей...»

Обратимся к стихам, раскрывающим другие стороны поэтического «арбуза» Чачикова. К счастью, лингвистическая заплата не испустила в нем обыкновенных человеческих чувств и лишь придала им особую замкнутость выражения. Например:

О, клондайк неизведанных чувств! О, велик наследжений любовных! Впрочем! И тогда Чачиков отказывается от подобных усложненных образов ради предельной простоты стиха, которая единственно может передать всю глубину его мысли:

Не желаю, чтоб восходило, С Запада бы восходило, В море шапа навекьяна — восклицает поэт. Вообще нужно сказать, что афористичность составляет отличительную черту поэзии Чачикова. Ему удивительно удается короткими, в две-четыре строки стихотворениями в стиле Хафиза. Одно из них, называющееся лучшим образцом персидской лирики, читатель найдет на стр. 15:

Ты мне солнце заставишь, А еше — Лилуби!.. Дверь открыта настезь И входит счастье

Мелкая философия на глубоких водах

Поэт на то и поэт, чтобы не загибался одной только грубой эмпирической действительностью. Он должен также обладать даром философского обобщения и не в меньшей мере — даром художественного предвидения. Нужно иногда и о душе познать. Куда мы идем и к чему? И что нас ждет «по ту сторону» молодости? Ну, и тому подобная лирика.

Каждый поэт отвечает на эти вопросы по-своему. Мы не имеем права сомневаться в искренности Иосифа Уткина, когда он заявляет, что лично он собирается в арлыг годы «столочь воину в ступе». Такая программа, вылинутая поэтом в его последнее стихотворение, которое он почему-то, в силу, очевидно, особо целебных свойств данного ошуса, помещает на страницах ялтынской «Всеобщей здравницы» (23 сентября 1936 года).

Известно всем, что мысли о старости или смерти рождает у волевого поэта не менее важные чувства, желание творить добро, благословить, так сказать, свою смену.

Возвращаясь к поэзии Уткина, естественно, вспомним, что же вы-

Маленький фельетон

Пушкин уличен...

А. Желанский внес свою лепту в дело подготовки к пушкинским торжествам: при любезном содействии Гослитиздата он выпустил книгу «Сказки Пушкина в народном стиле». Желанский имеет солидный опыт в части, как он сам выражается, «скрывать и раскрывать». Это опыт, или «скрывать» и «раскрывать» позволил ему... помять Пушкина с поличным.

Критика еще не откликнулась на это литературное событие. Там приятнее отметить «хорошую инициативу «Ленинградского правды», давшей в номере от 5 октября, в статье «Лучшие фокусы под вылом литературных фокусов», догостую оценку «разоблачению» Желанского.

Автор статьи (М. Шахновский) вскрыл все убожество и пошлость «концепции» А. Желанского. Последний, называя ли «раскрытием», что Пушкин в ряде случаев отступил от первоначального замысла сказок и внес в них изменения, более отвечающие классовой природе и сознанию «честного дворянина».

Вот очевидные улики: В сказке «О попе и работнике его Балды» согласно первоначальному замыслу третьим стрелком вышибает «дух» из попа. Впоследствии, однако, Пушкин отвернул слово «дух» и поставил «ум». Ясное дело: не может

КАНИФЕРШТАН

ПЕРВОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПИСЬМО ЧАДАЕВА

За четыре месяца до Пушкинского юбилея мы встречаем сегодня другую столетнюю годовщину: 3 октября, т. е. 16 октября нового стиля, 1836 года вышла в свет книжка московского журнала «Телескоп» со знаменитым «Письмом» Чаадаева. Это, по выражению Герцена, «выстрел в темную ночь» раздала в самый разгар прославления трех священных начал, сформулированных незадолго до того Уваровым: «Православие, самодержавие, народность» считались неизбежной основой русской жизни и, казавшись, и в школах и в печати им обеспечено полное господство. А статья Чаадаева нанесла им сокрушительный удар. «Письмо Чаадаева попросило всю мыслящую Россию» (Герцен). Полным стоило место его написания «Невропаид», т. е. «Город мертвых». Разбудить этих мертвых было целью статьи.

В своей работе о развитии революционных идей в России Герцен неоднократно пренебрегает, произведя две статьи на более чуждые умы и прежде всего на молодежь: «Письмо Чаадаева раздалось как звук священной трубы, сигнал был дан, и со всех сторон послышались новые голоса, на арену выступили новые борцы, обнаружившая молчаливую работу, свершившаяся в последние десять лет» (т. е. после 14 декабря 1825 г.).

В течение своей заграничной жизни Герцен пять раз по разным поводам давал общие очерки развития литературного и общественного движения в России в XIX в. и всякий раз во главе оживления этого движения он ставил Чаадаева. Сам он в незабываемом рассказе перелел в «Былом и думам», как он сам пережил чтение 15-й книжки «Телескопа» в Витке. Он долго не мог опомниться, он срывался, не сошел ли он с ума, читая в русском подпольном журнале то, что у него было перед глазами.

Конечно, «Телескоп» был немедленно закрыт, редактор Надежин сослан в Усть-Сисольск, цензор-редактор Московского университета Болдырев уволен, Чаадаев обречен сумасшедшим, за ним установлен медико-полицейский надзор на дому, ему запрещено что бы то ни было печатать, и у него отобраны все бумаги, а в числе их главный труд его жизни, в котором он видел всю цель своего существования, — 8 философических писем.

О статье Чаадаева немедленно запрещено было что бы то ни было печатать, не только в похвалу ее, но даже и в опровержение. Самый текст первого письма был под запретом до 1905 года. В 1861 году его тчетно пытались со свершениями начеатать в «Современнике» Чернышевский, в 1871 году Шанин довольно подробно изложил его в повелительной Чаадаеву главе «Характеристик литературных мнений с 20-х до 50-х годов», и наконец, в 1905 году перевод французского полного текста (в «Телескопе» он подвержен большим цензурным урезкам) дан в «Вопросах философии и психологии» Гершензона. Гершензон при этом использовал название избранных сочинений Чаадаева в Париже в 1862 г. Гатарным. В своем издании сочинений Чаадаева 1913—1914 годов Гершензон поместил как текст «Телескопа», так и полный чаадаевский текст в полнине и в переводе.

В заключение напомним, что Пушкин, прочитавший статью Чаадаева еще в рукописи в 1830 году, получил от своего старого друга один из отписок ее в «Телескопе» и успел еще 19 октября 1836 года ответить на нее очень содержательным письмом, оставшимся неотправленным из-за полученного известия о постигшей Чаадаева катастрофе.

Д. М. ШАХОВСКОЙ

Нереализованная тема

Драматург И. Везеложский написал пьесу о детстве легендарного маршала С. М. Буденного.

Нужно ли доказывать, в какой мере такая тематика отвечает запросам мирового зрителя, особенно юных читателей и театралов? Трудно себе представить, с какой жаждой набрасывается детвора на все биографические и художественные произведения, посвященные жизни наших вождей, жизни героев Советского Союза. Легко понять, что они ждут от этих произведений: правды о лучших людях нашей страны, но правды не бездумно-хроникальной, прототипно-регистрационной, а правды художественной, возвышающей правду, заражающей горячим эмоциями, дающей пищу детскому уму и воображению.

Но как часто мы видим, что зрители всех возрастов восторженно аплодируют произведению художественно незначительному, даже в том случае, когда оно равнодушно и серо реализовано театром! Ни для кого не секрет, что не в агитку и не в театру относятся эти юношеские овации, а к ее теме, и в первую очередь это персонажи не вымышленные, если они носят имя действительных, прославленных, всей страной любимых людей.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

СОКРОВИЩНИЦА ГРУЗИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Народ отличается на важнейшие события страны стихом и песней. Это было и прежде, но в отличие от старого новый грузинский фольклор трактует не только местные, но общедля всей Советской страны темы.

Несколько лет тому назад грузинская газета «Коллективизация» (Тбилиси) начала публикацию фольклорного материала, в собрании которого, кроме постоянных корреспондентов газеты, деятельное участие приняли грузинские поэты и фольклористы, партийные работники, комсомолы, учителя, все интеллигенция страны. Из месяца в месяц в редакцию поступали со всех концов Грузии новые стихи, в которых выразились полные чаяния народа.

Первый том собранного «Коллективизации» грузинского фольклора вышел еще в прошлом году; второй том, изданный теперь тбилиским издательством «Техника и труд», содержит пять разделов: «Шота Руставели в народном творчестве», «Социалистическая Грузия», «Любовно-бытовые стихи», «Империалистическая война и солдатчина» и «Борьба классов».

В разделе «Социалистическая Грузия» помещено 23 стихотворения. Это стихи о вояках трудового человечества — Ленаце, Сталине, о поблхмех от рук троцкистских выродков пролетарского трибуна Сергея Мироновича Кирова, о коллективах, о тракторе, о строительстве, о новом колхозном быте. По этим стихам можно проследить, как проникает культура в самые отдаленные уголки страны.

В горной Шавшетии малыш слагает стихи в честь Ленина и Сталина.

В другом стихотворении: «О Сталине» — хвасту восклицает:

«За тобой пойдет вся Хевсуртия
Как тобой услышит голос твой».

Беспредельная любовь народа к своим вождям сквозит и в других стихотворениях: «На смерть Кирова», «Коллективизация», «Товарищ Берия в Хевсуртии», «Алазани» и т. д.

Руставели в народном творчестве во втором томе представляется только 4 стихотворениями. Популярность Руставели в грузинском народе столь велика, что читателя может удивить недостаток мало количество стихов, посвященных с комплетованием библиотеки художественной литературы.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

На выставке «Московские художники — революционной Испании». Г. Вагрянин. «Портрет матери».

МОСКОВСКИЙ СЕЗОН

Театр им. МОСПС ставит в конце октября «Васу Железную». Шпеса Горького идет в постановке заслуженной артистки республики С. Г. Бирман, ирпяства в то время роль Вассы. Общее художественное руководство спектаклем принадлежит народному артисту республики Е. О. Пашинскому-Ланскому. Оформление — В. А. Шестакова.

— Мы хотим, — говорит С. Г. Бирман, — чтобы зритель, смотря эту замечательную, полную правды и политического реализма пьесу о мрачной жизни в старой России, испытывал чувство облегчения и радости. Люди наших дней, граждане нашей страны, не могут не испытывать радости за наше настоящее, глядя как прежде люди измучились по извистым условиям тирании и в поисках личного эгоистического счастья, построили мосты на костях других. Даже безразличная, хищная и жестокая Васса не находит выхода из противоречий своей жизни. Она глубоко несчастна. Ей только кажется, что она «вся живая расцвечивается путанными радостями». Как ни хитрит она, как ни подкажет, но выход для нее только в смерти, разрушающей узел всех ее противоречий. Иного выхода из мрака уединенной жизни у нее нет. Роль Вассы Железновой — необытна! Я, как актриса, не знаю подобной роли и совазвее, не льщу себя надеждой передать образ исчерпывающе. Если мне хотя бы частично удастся эта интереснейшая художественная задача, я буду считать себя творчески обогащенной.

Государственный театр им. В. Мейерхольда ввиду ремонта его помещения, который продлится до начала ноября, гастролирует в Харькове. В репертуаре гастролей «Горе ума», «Лес», чеховский спектакль и «Дядя с камелиями».

Петр продолжает ретроспективную работу над тремя пьесами одновременно: «Павел Корчагин» В. Е. Рафаэловича (по роману Н. Островского), «Как закалялась сталь», «Натанша» Л. Н. Сейфуллиной (в центре пьесы передовая левша-колхозница) и «Борис Годунов» А. С. Пушкина.

Московский театр сатиры даст 23 сентября премьеру комедии-обозрения «Похлопание Дон-Жуана». Эта постановка является попыткой театра возобновить жанр обозрения, с которого он начал свою работу в 1924 году.

В пьесе рассказывается о похождениях студента Сергеева, не в меру увлекающегося неверно понятой романтикой классического Дон-Жуана. Постановщик спектакля — заслуженный артист республики П. Н. Поль. Музыка — заслуженного деятеля искусств Л. М. Пульверера.

Московский театр оперетты открывает сезон 23 октября музыкальной комедией Н. А. Алдуева «Как ее зовут».

Театр работает над опереттой «Сорочинская ярмарка» по Гоголю. Либретто написал украинский писатель Л. А. Южвн. Музыка — украинского композитора А. П. Рабова, который использовал народные украинские мотивы. Спектакль пойдет в постановке заслуженного артиста республики Г. М. Ярона. Оформление — украинского художника Н. Ф. Соболя.

Принята к постановке оригинальная советская оперетта «Смертельная любовь», осмеивающая чувство ревности.

Вечер в «Красной Нове»

10 октября на собрании актива журнала «Красная новь» т. Н. Корнев выступил с докладом о событиях в Испании. Значительная часть доклада была посвящена характеристике так называемого договора о «независимости» и деятельности германских, итальянских и португальских фашистов, лжко обдлаывающих под предлогом этого договора свое темное дело.

Отвечая на вопросы писателей, т. Корнев осветил также экономическое и политическое положение в ряде европейских стран.

«В Гостях у Горького»

Под таким названием закончена и слана в печать в Иркутске вторая книга «Взгляд курьеский». В ее составлении принимали участие автор первой книги: Алла Капшина, Аня Хуторских, Галя Кожевнича, Рафа Булахович и др. Рубрикация работ поэт Молчанов (С. Рубикович).

Лекция о Пушкине

Общественный лекторий организует для комсомольского актива в Москве лекцию В. Л. Кириллова «Пушкин и наша современность». Лекция состоится 16 октября в 8 часов вечера в помещении Политехнического музея.

Советы и книги

Работа московского и районных советов с читателем сосредоточена, главным образом, в библиотечных группах секций культуры.

Московец принял активное участие в сопереговании сельских библиотек.

При непосредственном участии библиотечной группы было собрано около 50 тысяч книг. Их собирали московские библиотекы от своих читателей. Читательница Н. М. Козловцева (домашняя хозяйка) несет в библиотеку им. Пушкина «Воскресение» Толстого и «Девки» Котляра. Домашняя хозяйка Луккина отдает накопившиеся у нее литературно-художественные журналы и 34 книги по художественной литературе, в том числе «Сны» Джованни, «Гуманизм» Келлермана и др. Читательница И. С. 1360 экземпляров «Волны мира» Толстого, 265 книг Станиславского «Моя жизнь в искусстве», 335 экземпляров «Гопник» Т. Мора, 254 — «Греческие эпиграмы», 162 —

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

„ИЗБРАННОЕ“ ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

«Родился я в 1895 году, 2 апреля, в западной Грузии, в деревне Шуашта, близ Орпир. Орпир входит в округ Сачино, в переводе означает: «Видный, замечательный». В годы моего детства никто не верил, что Сачино считалось житницей Грузии. Так задулся этот когда-то богатый край, упоминаемый часто древнегреческими географами и нашими летописцами». Этими словами начинает свою автобиографию один из наиболее ярких поэтов современной Грузии — Титиана Табидзе.

Поэт рассказывает о годах своего учения сначала в гимназии, потом в университете, о первых стихотворных опытах, о поэтическом объединении грузинских поэтов «Голубые горы», активным участником которого он был, о работе последнего времени.

Автобиография Табидзе помещена в книге его избранных стихов, выпускаемой на-днях Гослитиздатом.

В рассказе о своей жизни Титиана Табидзе неоднократно упоминает долину Риона. И это не случайно. В его биографии — житейской и поэтической — Орпир занимает особое место. Вечелания детства были благодарной почвой, на которой потом, в университете, выросло ученичество поэта символизмом. Табидзе признается сам в этом. «На моих глазах целые деревни вымирали от дижорадизма, и жители с проклятием оставляли нажасненные места. От этих «галльципуриющих» деревень мне тоже легко было переключиться на французского поэта Лотремона».

Орпир посвящена первая большая советская вещь Табидзе «Порт Рион», в которой поэт «на фоне орпирской природы, где народ вымирал, описывает «гигантскую работу советской власти, перестроившей жизнь на новых, социалистических основах и изменившей лицо страны».

В книгу «Избранное» вошли стихи Титиана Табидзе последних лет. Перелод стихов — П. Антокольский, Б. Брик, А. Корчагин, В. Пантерак, С. Славский, П. Тихонов и Н. Ушакова. Вступительная статья и редакция — В. Гольдберг. В. АНОВ

ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ БОР. КОРНИЛОВА ИЗ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ГОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ПРАВЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Перед союзом писателей, как и перед всей советской общественностью, стоит задача борьбы с чуждыми настроениями и проявлениями классово враждебных влияний, отрицания наших рядов от врагов и примазавшихся, дискредитирующих религию и почетное звание советского писателя. Писатель своим личным и общественным поведением должен поднимать авторитет советской литературы, делать все для того, чтобы повысить идейно-художественное качество своих произведений.

В осуществлении этих задач наиболее торжественно являются неотвратимые для нас остатки буржуазной враждебной в советском строе боязни Советской общественности памятных фактов, когда настроения боязни, худшества и пр. приводили некоторых «литераторов» прямоколько в лагерь контрреволюции.

Упорная убога, суровая самокритика, внимательное отношение к голосу трудящихся несоответствия с богемотем, с антиобщественным поведением писателя.

Президиум ленинградского отделения союза советских писателей вынужден признать, что поведение по-

НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР

Дальневосточное краевое издательство выпускает на корейском языке: «10 января» Горького, «Зеленая зора» Серафимовича, «Лыжня-холдина» Касиля, «Детские годы Ильича» Ульяновой, «Рассказ о С. М. Кирове» Голубева и «Полдневные мастера» Золотого. На японском языке выходят: «Красная армия» Смедли и «Стихи» Эмилио.

Знамядальское издательство печатает на японском языке: «Капитанская дочка» Пушкина, «Подвиги павших» Шолохова, «Каштанка» Чехова, «Кара-Буга» Паустовского и «Пер-

ВНИМАНИЕ журналистов, литераторов, редационных работников газет, журналов и книг, работников фото, издательства и полиграфии

Продолжается подписка на НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1936 года на ежемесячный журнал БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ

Издане ЦК ВКП(б) под редакцией В. М. Тали «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ» ставит своей задачей политическое, культурное и производственное воспитание работников печати. «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ» освещает передовой опыт печати, проблемы публицистики, информации, очерка и фельетона, массовой работы, культуры языка, оформления, а также постановку газетного, журнального, издательского и полиграфического дела в СССР и за границей.

К сотрудничеству в журнале привлечены видные журналисты и работники советской печати, карикатуристы, мастера фото, полиграфии, Журнал выходит в художественном оформлении и печатается на высококачественной бумаге с микроточными вкладками.

Подписка дается на 1 мес.—3 р. 50 к., на 2 мес.—7 руб.

Подписка принимается Советскими, почетными членами, уполномоченными на партияных и предпринятых в учреждениях, уполномоченными издательствах, полиграфических и других предприятиях транспорта.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА».

Открыт прием подписки на 1937 год

«АРХИТЕКТУРА СССР»

Выходит раз в пятилетку. «Архитектура СССР» широко освещает архитектурную жизнь в нашей стране и за рубежом. В журнале «Архитектура СССР» печатаются статьи, образы, очерки по вопросам теории и истории архитектуры, по архитектуре жилища, общественности зданий, производственных сооружений, парков и садов, библиотечных и санаторно-курортных сооружений. Особое внимание уделяется вопросам архитектурной реконструкции городов.

Подписка цена: 12 номеров — 72 руб., 6 месяцев — 36 руб., 3 месяца — 18 руб.

«АРХИТЕКТУРА ГАЗЕТА»

Орган Союза Советских Архитекторов «Журнал «Архитектура СССР» широко освещает архитектурную жизнь в нашей стране и за рубежом. В журнале «Архитектура СССР» печатаются статьи, образы, очерки по вопросам теории и истории архитектуры, по архитектуре жилища, общественности зданий, производственных сооружений, парков и садов, библиотечных и санаторно-курортных сооружений. Особое внимание уделяется вопросам архитектурной реконструкции городов.

Подписка цена: 12 номеров — 72 руб., 6 месяцев — 36 руб., 3 месяца — 18 руб.

СМЕНА

посвященная жизни и творчеству А. С. ПУШКИНА

В номере: А. М. Косарев — «Читайто Пушкина», А. М. Горький — О Пушкине, Ю. Тынянов — В лице (неопубликованный отрывок из романа), И. Новиков — Понятка Бетства (отрывок из романа).

Проф. Д. Благой — Творческий путь Пушкина.

Проф. В. Казанский — Драгоценные ключи.

Проф. Б. Томашевский — Проза.

Проф. М. Цвиллинский — Смыслы Пушкина.

С. Бояды—Новые тематика А. С. Пушкина.

В. Шкловский — Мтежная жизнь (биографический очерк).

К. Чуковский — Два поэта (Маяковский и Пушкин).

В. Маяк — Лирика.

Ю. Широкий — Прием трудов и взглядов (фотоочерк).

В. Широкий — Говорит книга.

Кроме того в номере дан богатый справочный и библиографический материал о поэте.

Текст иллюстрирует художники П. Павлинов, Г. Васильев, П. Савицкий.

Цена отдельного номера — 84 коп. Журнал продается во всех книжных «Союзпечати».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА».

ПРОПАВШИЕ КНИГИ

Недавно мы были свидетелями следующего, не лишнего интереса для наших читателей разговора.

В один из книжных магазинов Москвы бежал покупатель. По его лику, обшмыгнув в сторону галстуку, широко распахнутому пальто было трудно догадаться, что человек этот куда-то спешит.

— «Чааев» — Фурманова есть? — еще почти в дверях, отдуваясь, прокричал он.

Продавец из-за прилавка отрицательно покачал головой.

— Нет? Но один-то экземпляр найдется?

— Ни одного. — равнодушно отвечал продавец.

— Вот те на. Все магазины обоед и все впустило. Где же мне его найти? — о поречью воскликнул покупатель.

— В типографии разве, — неожиданно посоветовал один из находившихся в магазине посетителей. — Я работаю издательстве и точно знаю, что печатавшая эту книгу Подольская типография наделала Гослитиздату 1417 экземпляров.

— Да вот так. Не слала весь тираж — и все. Это не единственный

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это — центр, вокруг которого все события вращаются самоотвольно, лично он не определяет ход событий, не двигает действия пьесы. Семен у Везеложского — фигура второстепенная.

Возможно, что такого же рода успех выпадет и на долю пьесы Везеложского «Детство маршала», обсужденной на днях в ДСП на собрании драматургов и военных специалистов.

Образ Буденного имеет особую притягательную силу для советской детворы: одного его имени, одного его появления на сцене достаточно для того, чтобы вызвать бурную реакцию зрительного зала. Но это не может и не должно вызвать нас в заблуждение относительно подлинных качеств названной пьесы.

В ней есть, быть может, точная филсапия биографических фактов, но нет глубокой мысли, нет развития образов, нет типических обобщений. Черное — черно, белое — бело, 12-летний Семен, по замыслу автора, центральная фигура пьесы, но это